

К.А. Иванов

МНОГОЛИКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Константин Алексеевич Иванов
Многоликое
средневековье (сборник)
Серия «Vita memoriae»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6567310

*К.А. Иванов. Многоликое средневековье: Новый Акрополь; Москва; 2014
ISBN 978-5-91896-110-0*

Аннотация

«Времена не выбирают...» Средние века представляются нам сейчас «темной эпохой», далекой и непонятной. Но перенесемся воображением на семь столетий назад, пройдемся по шумным улицам и площадям средневекового города, окинем взором окрестные луга и пашни, заглянем под своды древних, величественных замков – и мы увидим, что и в это непростое время под тяжелой дланью инквизиции бурлила жизнь, что за этой завесой скрывается целый пласт культуры, так много давший нам, далеким потомкам. В книгу входят работы директора Императорской Николаевской Царскосельской гимназии К. А. Иванова – «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый город и его обитатели» и «Средневековая деревня и ее обитатели». Написанные ярко и увлекательно, они могут заинтересовать любого читателя, стремящегося проникнуть в тайну той эпохи.

Содержание

От издательства	7
Средневековый замок и его обитатели	12
Внешний вид замка	13
Посвящение в рыцари	31
Внутренность замка	55
Пир	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

К.А. Иванов

Многоликое средневековье

От издательства

Многоликое средневековье... От этой эпохи нас отделяет более пятисот лет, но дело не только во времени. В истории европейской культуры за эти пять веков произошли большие изменения, человечество стало намного более цивилизованным и рациональным. Сегодня принято считать, что мы знаем о мире и о человеке все. Из нашей жизни исчезла тайна, мир стал более простым и обыкновенным. Для школьника двадцатого столетия является азбукой то, над чем бились многие умы в шестнадцатом веке. Человечество стало старше и, как это часто происходит у повзрослевших детей, начало решать другие, более «важные» и «серьезные» задачи. Однако даже у взрослых в душе иногда рождается ностальгия по детской непосредственности, умению искренне радоваться и горевать, удивляться тайнам окружающего мира. Кто из нас хотя бы изредка не мечтал оказаться в средневековье? Кто хоть раз в жизни не поддался магии этого времени? В наших рациональных душах живет ностальгия по давно ушедшим временам, по великим людям и идеям, которых так не хватает в наши дни, ностальгия по Неведомому. За прошедшие столетия изменилось многое и в то же время не изменилось ничего. Иным стал облик земли и людей, но прежними остались человеческие проблемы и мечты, и где-то в глубине души не исчезла тяга к истинной Красоте, Люб-

ви, Благородству, Отваге...

Мы смотрим на средневековые со стороны и немного свысока. Однако если бы мы попытались не только судить, но по-настоящему понять дух тех времен, то стороннего наблюдения было бы недостаточно. Для этого необходимо слиться с прошлым, пожить в нем, стать хотя бы на мгновение одним из его современников. Пока мы смотрим со стороны, как зрители в театре, средневековые кажется похожим на театральное представление. Вот одна из фигур на мгновение приоткрывает занавес, и перед нашими глазами предстают величественные соборы, устремленные в небо, благородные дела и великие жертвы, совершаемые Рыцарями и Дамами во славу Господа. Но вот открывается другая сцена – и горят костры инквизиции, на которых сжигают сотни невинных, а соседи наперегонки спешат обвинить друг друга в ереси перед «святой матерью-церковью», чтобы заполучить часть имущества и денег казненного. Новая сцена – и слышна изящная музыка и песни менестрелей, прекрасные баллады, повествующие о великих подвигах и вечной любви. А другая сцена показывает пьяное застолье в замке какого-нибудь мелкопоместного барона, где в пиршественной зале лежат вповалку пьяные вояки и в поисках объедков бродят псы. Еще одна сцена – средневековые мудрецы, алхимики и мистики пытаются проникнуть в тайны природы и открыть новые, неизвестные доселе законы. А с очередной сценой открываются темнота, невежество и жестокость, ца-

рящие в душах простых людей... Так много ликов у одного времени. Это многообразие противоречий может показаться парадоксом, но только до тех пор, пока мы не поймем единую внутреннюю суть, скрытую за всеми этими масками.

История проходит свои циклы, и, хотя внешние формы постоянно меняются, в мир с определенной периодичностью возвращаются одни и те же Принципы, перед человечеством ставятся одни и те же задачи. То, что было актуально для средних веков, может перестать быть таковым в эпоху Просвещения и опять обрести значимость в конце XX века. В тот период средневековья, о котором в основном пойдет речь в этой книге (XII—XIII века), Европа переживала перелом, в прошлое уходили выработанные веками привычные общественные формы, старая культура, религия, наука и искусство, и на смену им приходили новые, в то время еще неизвестные. Современный мир переживает подобный переломный момент, уже видны знамения новой науки, нового искусства, новой философии, но будущее пока скрыто в тумане.

Античная философия учит, что в жизни любого народа и государства чередуются этапы спокойного развития и сложные, переломные этапы гибели старых форм и рождения новых, когда людям трудно ориентироваться в окружающем хаосе. Именно в такие моменты перед людьми остро встанет вопрос смысла жизни и исторического предназначения. В древности мудрецы говорили, что если мы хотим понять

задачи своего времени, то должны сначала научиться понимать смысл Истории. По их представлениям история не является чередой случайных событий, но имеет свою логику развития, свою эволюцию. Государства и народы не существуют независимо, отдельно друг от друга, исторические эпохи – лишь ступени великой лестницы Эволюции человечества. Одна ступень – Древняя Греция, потом – Римская империя, средневековая Европа, современность... и так от теряющихся в прошлом времен до бесконечно далекого будущего. Каждая ступень имеет свои задачи, каждая несет в себе следствия предыдущей и причины последующей. Чтобы понять эту очевидную для древних идею, нам необходимо научиться не просто собирать факты о прошлом, но понимать их.

Возможно, эта книга позволит немного глубже почувствовать, чем жили средневековые люди, ведь она не излагает хронику великих исторических событий, но раскрывает саму жизнь, то, что мы обычно называем скучным словом «быт». Когда читаешь ее, создается впечатление, будто попадаешь в средневековый мир, ходишь по улицам городов, гостишь в замке или являешься свидетелем его осады,ходишь в крестьянские дома, участвуешь в рыцарском турнире и проживаешь еще много разнообразных событий, как бы живешь вместе с персонажами.

Автор этой книги – директор Царскосельской гимназии К. А. Иванов, историк, поэт, человек, прекрасно разбираю-

щийся в проблемах обучения и воспитания юношества, – посвятил свой труд молодым людям и всем, кто интересуется историей средневековья и обладает долей романтики и воображения. Наше «Многоликое средневековье» состоит из трех его книг, неоднократно переиздававшихся в начале XX века: «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый город и его обитатели» и «Средневековая деревня и ее обитатели», и вместе с автором мы приглашаем вас в путешествие по загадочному средневековью.

Средневековый замок и его обитатели

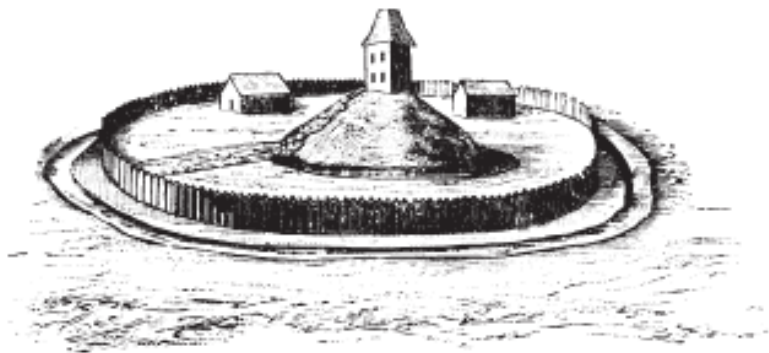
Внешний вид замка

Средневековый замок, при одном упоминании о котором у всякого образованного человека создается в воображении знакомая картина, и всякий переносится мыслью в эпоху турниров и крестовых походов, имеет свою собственную историю. Замок со своими известными принадлежностями – подъемными мостами, башнями и зубчатыми стенами – сохранился не сразу. Ученые исследователи, посвящавшие свой труд вопросу о происхождении и развитии замковых сооружений, отметили несколько моментов в этой истории, из которых наибольший интерес представляет момент наиболее ранний: до такой степени первоначальные замки не похожи на замки последующего времени. Но при всем несхождении, существующем между ними, нетрудно найти и черты сходные, нетрудно в первоначальном замке увидеть намеки на позднейшие сооружения. Возможность отыскать эти первоначальные формы и сообщает вопросу тот интерес, о котором мы только что говорили.

Опустошительные набеги неприятелей побуждали к построению таких укреплений, которые могли бы служить надежными убежищами. Первые замки представляли собой земляные окопы более или менее обширных размеров, окруженные рвом и увенчанные деревянным палисадом. В таком виде они походили на римские лагерь, и это сходство, конеч-

но, не было простой случайностью; несомненно, что эти первые укрепления устраивались по образцу римских лагерей. Как в центре последнего возвышалась палатка полководца, или преторий (praetorium), так и посреди пространства, замыкавшегося замковым валом, поднималось естественное или, по большей части, искусственное земляное возвышение конической формы (la motte). Обыкновенно на этой насыпи воздвигалось деревянное строение, входная дверь которого находилась наверху насыпи. Внутри самой насыпи устраивался ход в подземелье с колодцем. Таким образом, попасть в это деревянное строение можно было только взобравшись на самую насыпь. Для удобства обитателей устраивалось что-то вроде деревянного помоста, спуска на подпорках; в случае нужды он легко разбирался, благодаря чему неприятель, желавший проникнуть в само жилище, встречал серьезное препятствие. После минования опасности разобранные части так же легко приводились в прежнее состояние. Если мы, не вдаваясь в эти подробности, представим себе только ту общую картину, которая, как мы выше говорили, возникает в воображении каждого образованного человека при одном упоминании о замке, если мы эту общую картину сопоставим с только что описанным первоначальным замком, при всем несходстве того и другого мы без особенного труда отыщем и общие черты. Существенные части средневекового рыцарского замка здесь налицо, в этом неприхотливом сооружении: дом на земляной насыпи соответствует главной

замковой башне, разборный спуск – подъемному мосту, вал с палисадом – зубчатой стене позднейшего замка.

С течением времени все новые и новые опасности со стороны внешних врагов, разорительные норманнские набеги, а также новые условия жизни, вызванные развитием феодализма, способствовали как увеличению числа замковых сооружений, так и усложнению их форм. Оставляя в стороне историю постепенного видоизменения, мы обратимся теперь к непосредственному знакомству с тем видом сооружений, который установился в XII веке.

* * *

Прежде чем вдаваться в подробное рассмотрение частей средневекового замка, перенесемся воображением на семь столетий назад, посмотрим на тогдашний замок издали, с

опушки близлежащего леса. Только после этого мы подойдем к самому замку и познакомимся с его составными частями. «Почти каждый холм, — говорит Грановский, бегло характеризуя средние века, — каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы называем теперь комфортом, а безопасность была главной целью. Воинственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые вместе с железным доспехом составляли необходимое условие феодального существования.»¹ Средневековый замок производил (и до сих пор производит) внушительное впечатление. За широким рвом, над которым только что опустили на цепях подъемный мост, поднимается массивная каменная стена. Наверху этой стены резко выделяются на голубом фоне неба широкие зубцы с еле заметными отверстиями в них, а время от времени их правильный ряд прерывается круглыми каменными башнями. На углах стены выступают вперед крытые каменные балконы. По временам в промежутке между двумя зубцами заблестит на солнце шлем проходящего по стенам оруженосца. А над стеной, зубцами, стенными башнями гордо поднимается главная замковая башня; на вершине ее трепещет флаг, да мелькает порой человеческая фигура, фигура недремлющего сторожа, обзорающего окрестность.

---

¹ Характерные изображения замков помещены в настоящей книге в очерке «Именем фазана».

Спишский замок. XIII в.

Но вот оттуда, с вершины башни, понеслись звуки рога... О чем возвещает сторож? Из-под темного свода замковых ворот на подъемный мост, а потом на дорогу, выехала пестрая кавалькада: обитатели замка поехали на прогулку по окрестностям; вот они уже далеко. Воспользуемся тем, что мост еще опущен, и проникнем за каменную ограду замка. Прежде всего внимание наше останавливается на устройстве моста и на самих воротах. Они помещаются между двумя башнями, неразрывно соединенными со стеной. Тут только мы замечаем, что рядом с большими воротами устроены маленькие, представляющие собой что-то вроде калитки; от

них также переброшен через ров подъемный мост (pont leveis или pont torneis, zoge brucke). Подъемные мосты опускались и поднимались при посредстве цепей или канатов. Делалось это следующим образом. Над воротами в стене, соединяющей обе недавно названные башни, были проделаны продолговатые отверстия; они направлялись сверху вниз. В каждое из них продевалось по одной балке. С внутренней стороны, то есть с замкового двора, эти балки соединялись поперечной перекладиной, и здесь же от конца одной из балок спускалась железная цепь. К противоположным концам балок, выходявшим наружу, прикреплялись две цепи (по одной к каждой балке), а нижние концы этих цепей соединялись с углами моста. При таком устройстве стоит только, войдя в ворота, потянуть вниз спускающуюся там цепь, как наружные концы балок начнут подниматься и потянут за собой мост, который после поднятия превратится как бы в перегородку, заслоняющую ворота.

Ворота с внешней стороны.

Ворота с внутренней стороны.

Но, конечно, мост не был единственной защитой ворот. Последние запирались, и притом весьма основательно. Если бы мы подошли к ним в такое неудобное время, нам при-

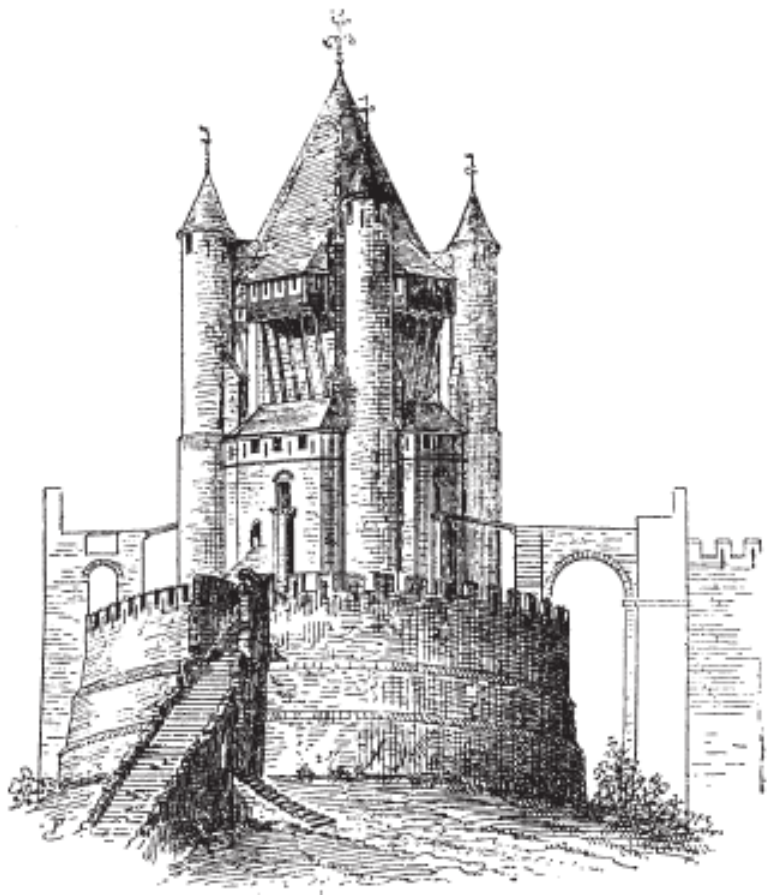
шлось бы оповестить о своем приходе привратника, помещающегося здесь же неподалеку. Для этого пришлось бы или протрубить в рог, или ударить колотушкой в металлическую доску, или постучать особым кольцом, с этой целью приделанным к воротам. Теперь, как мы уже знаем, нам нет надобности оповещать о себе: проход свободен. Мы проходим под длинными сводами ворот. Если бы живущие в замке случайно заметили наше появление и почему-либо не пожелали пропустить нас во двор, в их распоряжении находилось еще одно средство. Взгляните наверх, на этот каменный свод. Не замечаете ли вы чего-нибудь, кроме длинных балок, составляющих одно целое с подъемными мостами? Видите ли это сравнительно неширокое отверстие, проходящее поперек свода? Из этого отверстия в один момент может опуститься железная решетка (*porte colante*, *Slegetor*) и преградить нам доступ во двор. Сколько предосторожностей на случай нападения врага! Иногда, если позволяло место, вблизи ворот, с внешней стороны, воздвигалось еще особое кругообразное укрепление, передовая крепостца (*barbacane*) с отверстиями для пуска стрел в неприятеля.

Но мы беспрепятственно проходим под сводами ворот и вступаем в передний двор. Да это целое селение! Здесь и капелла, и бассейн с водой, и жилища простого народа, обитающего в замке, и кузница, и даже мельница. Нас не заметили, и мы проходим вперед. Перед нами – новый ров, новая внутренняя стена, новые ворота с такими же приспособлени-

ями, какие мы видели у первых, наружных ворот. Нам удалось пройти новые ворота, и мы — на другом дворе; тут — конюшни, погреба, кухня, вообще всякие службы, а также жилище владельца и ядро всего сооружения — главная замковая башня (донжон, Bercfrit). Остановим свое внимание на этой башне. Она слишком важный предмет, чтобы можно было пройти мимо нее. Это последний оплот для живущих в замке. Много преград предстояло одолеть неприятелю, прежде чем он мог бы добраться до этого пункта. В случае проникновения врага во внутренний двор население замка укрывалось в центральной башне и могло еще выдерживать продолжительную осаду в ожидании каких-либо благоприятных обстоятельств, которые могли бы выручить осажденных из беды. Большей частью главная башня воздвигалась совершенно в стороне от других построек. При этом старались выстроить ее на таком месте, где находился родник: не имея воды, осажденные не могли бы, конечно, долго противостоять врагу. Если не было родника, то устраивалась цистерна. Стена центральной башни отличалась своей толщиной. Формы башен бывали различными: четырехугольные, многоугольные, круглые; последние преобладали (с конца XII века), так как лучше могли сопротивляться разрушительной силе неприятельских стенобитных машин. Ход в центральную башню устраивался футов на 20—40 над ее основанием. В башню можно было проникнуть только посредством такой лестницы, которую легко было убрать в самый короткий срок или

даже и совсем уничтожить. Иногда от соседних зданий перебрасывались к башне подъемные мосты. Подвальный этаж центральной башни, то есть все пространство от ее основания до входной двери наверху, был занят или темницей, или кладовой для хранения хозяйских сокровищ. И та, и другая были снабжены скудными отверстиями, которые служили для притока воздуха. В башне же помещались в древнейшую пору владельцы замка, устраивались комнаты для детей, гостей, больных. В более скромных замках, где не было особенного здания для жилья, в первом этаже башни помещалась главная зала, во втором – спальня хозяев, в третьем – горницы для детей и гостей. В самом верхнем этаже жил башенный сторож. Сторожить на башне – это была самая тяжелая из повинностей: сторожу приходилось испытывать холод, непогоду, необходимо было с постоянным вниманием следить со своего высокого поста за всем происходящим как в замке, так и в окрестностях его. Сторож трубит в рог при восходе и закате солнца, при отправлении на охоту и возвращении с нее, при приезде гостей, при появлении врага и т. п. По соседству с каменной сторожкой (*l'eschaugaite, la gaité*) на высоком древке развевается флаг замковладельца. На верхушке башни происходила временами ужасная сцена: здесь вешали преступников. Крепкий оплот представляла собой центральная башня, но представьте себе такой случай, что и она, наконец, захватывалась неприятелем. Что тогда было делать? На этот-то случай глубоко под центральной башней

устанавливался подземный ход. Этим ходом можно было про-
браться в какое-либо безопасное место, например, в сосед-
ний лес.

Донжон.

Но мы так увлеклись созерцанием центральной башни, что не обратили вовсе внимания на прелестный фруктовый садик и цветник вместе с ним, раскинувшийся недалеко от грозной и мрачной башни. С особенным удовольствием отдыхает глаз, утомленный рассматриванием каменных укреплений, на розах и лилиях, на зелени лекарственных трав, на плодовых деревьях, на гибкой виноградной лозе. Такие садики были, безусловно, необходимы для обитателей замка, принужденных, как вы увидите ниже, жить в помещениях неуютных и сумрачных. Вот почему они и разводились везде. За недостатком места внутри замковых стен такие садики, особенно во Франции, разбивались за стенами.

В нашем замке центральная башня необитаема в мирное время: только опасность со стороны неприятеля заставит перекочевать туда барона и его семью. В мирное же время обладатели нашего замка живут в особом строении. Подойдем к нему. Это строение называется дворцом или палатой (*le palais, der Palas*). Перед нами – каменный двухэтажный дом. На первый этаж, поднимающийся довольно высоко над двором, ведет вдоль стены широкая каменная лестница с каменными же перилами. Недалеко от нее на дворе установлен камень, чтобы всадникам было легче как влезать на коня, так и слезать с него. Лестница оканчивается у большой двери первого этажа обширной площадкой (*le Perron*). Такие площадки были особенно любимы во Франции. Первый этаж занят

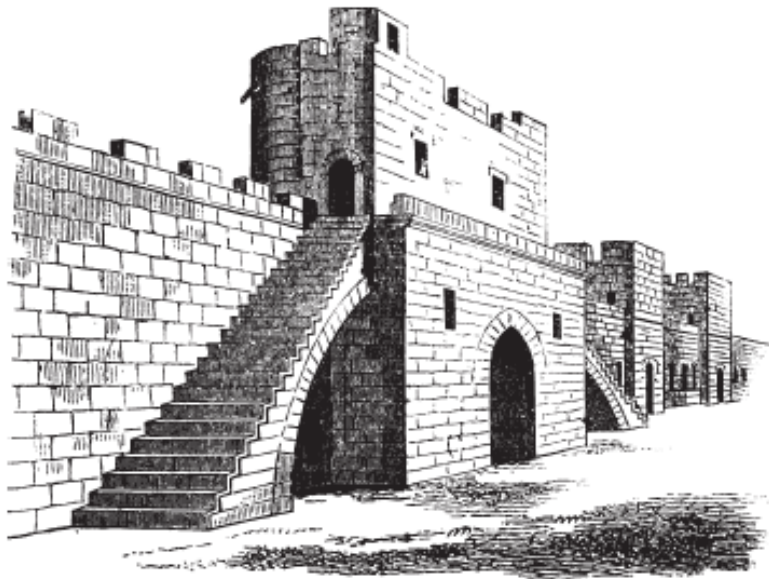
огромной парадной залой (la sale, la maistre sale), второй – жилыми помещениями.

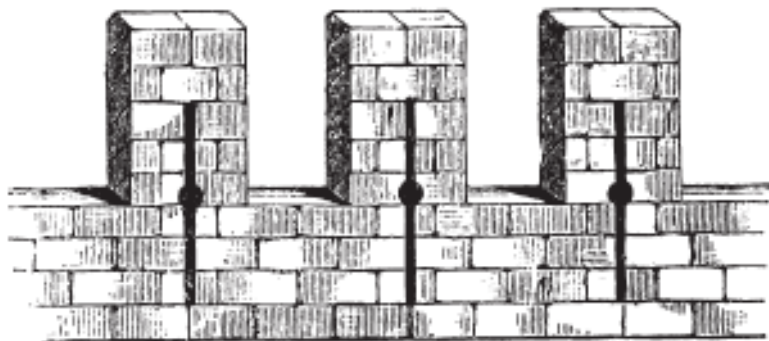
Внутренний двор в замке.

Чтобы закончить обзор внешнего вида средневекового замка, познакомимся еще с устройством внешней замковой стены. Это устройство более сложно, чем кажется со стороны, и ближайшее знакомство с ним весьма интересно. Вы, конечно, не упустили из виду, что мы находимся внутри замка. Вернемся на передний двор. Поднимемся по этой лестнице: она ведет на стены. Мы взобрались и прежде всего проходим по коридору помещения, расположенного над воротами. Вот мы вышли из него на свежий воздух и подвигаемся по замковой стене: это обычный путь (*les aleoirs*) караульного дозора. Справа от нас – передний двор замка, слева поднимается укрепление, заимствованное у римлян: довольно высокая стена (несколько ниже человеческого роста), а на ней, как на фундаменте, – зубцы (*les merlons*), отстоящие друг от друга на равные, ничем не занятые промежутки (*les creneaux*); зубцы прорезаны продолговатыми вертикальными отверстиями (*les archeres*), предназначенными для пуска стрел. Мы уже имели случай заметить, что строители средневековых замков старались изобрести возможно больше препятствий на случай вражеского нападения. Перед нами новый вид препятствия, внезапный обрыв стены. В этом месте она круто понижается, а далее так же круто поднимается до прежнего уровня. Это существенная преграда для взобравшегося на стены врага, но не для нас. Бодро мы подвига-

емся вперед по деревянному мосту, перекинутому через обрыв. В случае надобности такие деревянные мосты, неоднократно преграждающие каменную дорогу, могут быть разобраны в несколько минут. Но вот новая преграда: на этот раз загородила дорогу стенная башня. Железная дверь, которая ведет внутрь, заперта на замок. Теперь и мы не можем продолжать свою дорогу. Но имейте в виду, что для замковых обитателей эта железная дверь всегда открыта. Там, с другой стороны – другая железная дверь, а за ней путь, ничем не отличающийся от пройденного нами. Прежде чем сойти вниз, взгляните хорошенько на башню, так неожиданно преградившую нам дорогу. Сторона ее, обращенная к замку, плоская, а к полю полукруглая; на ее верхушке зубцы. Но вернемся обратно: дозорный путь, лестница, передний замковый двор, тяжелые ворота (копия с ворот римских городов), подъемный мост – и мы на свободе! Небо голубое, солнце светит ярко, высоко поднимаются звонкоголосые жаворонки! Туда, туда, под живые своды благодатного леса! Отдохнем от нашей утомительной прогулки.

Замковая стена.

Зубцы замковой стены.

Майское утро сияло всей свежей своей красотой;
На поле каждая травка сверкала алмазной росой;
Ветер, припавши к деревьям, шептался с листьями,
Пчелы жужжали, кружась над цветами.²

---

² Стихи Мея из поэмы «Альфус».

Посвящение в рыцари

Кончился жаркий июльский день; солнце скрылось за горизонтом. С вершины центральной замковой башни понеслись звуки рога: к покою призывали эти звуки, к прекращению трудов. Но в нашем замке сегодня большое движение; в кухне, занимающей особое строение, стряпня во всем разгаре. Вот поднялась решетка входных ворот, опустился подъемный мост, гремя своими цепями, и из-под ворот замка выезжает целое общество. Сопровождаемый отцом, братьями и родственниками, выезжает на дорогу старший сын владельца нашего замка. Незадолго до того он принял теплую ванну, облекся в чистые одежды и теперь едет в соседнюю церковь, где проведет всю ночь, где утром совершится посвящение его в рыцари. Ему 18 лет; он полон здоровья и силы; ему хочется подвигов, славы. Наконец-то наступает торжественный день, которого он так пламенно ожидал. Смеркается; повеяло прохладой; шумят листья придорожных деревьев; кое-где зажглись еще бледные звезды. Наши всадники оживленно беседуют. Старый рыцарь вспоминает свое посвящение. Совершилось оно не так, как совершится завтра посвящение молодого человека. Он был далеко от семьи; не радовали его хлопоты родных, не приготовляли ему заботливые руки нежной матери чистых одежд накануне великого дня в его жизни, все, все было иначе. С семилетнего возраста он поселил-

ся в чужой семье в качестве *нажда*, или *валета*. В этом звании он проходил в замке богатого землевладельца практическую школу так называемой *куртуазии*, то есть учился вежливости и вообще светскому обращению. Пятнадцати лет он получил из рук священника благословенный меч, причем его согласно обычаю подвели к престолу отец и мать с зажженными свечами в руках. Так он сделался *оруженосцем* и долго нес эту тяжелую службу. Его родители в ту пору умерли, он остался круглым сиротой, и некому было ему помочь. Он стремился к свободе, к подвигам; между тем его жизнь долгое время протекала однообразно. Правда, он был не один; у его барона было несколько таких оруженосцев, как он, и это хоть отчасти скрашивало его жизнь. Спозаранку поднимался он с постели и тотчас принимался за работу. Его день начинался в конюшне, и раннее солнце заставляло его за чисткой хозяйского коня и оружия. Поздней ночью он обходил с товарищами замковые стены. Весь день наполнялся хозяйственными заботами. Частые гости, необходимость служить им, ухаживать за их конями – все это, конечно, не давало времени скучать. Но зато в свободное время, в час отдыха, успокаивалось только тело, между тем как душа работала с большим напряжением. Грусть, думы, мечты не давали ей покоя. Наконец пробил желанный час. Однажды ранней весной, в пору именно такого телесного покоя и умственной работы, стоя на замковой стене и рассеянно глядя оттуда на широко развернувшуюся окрестность, он был внезапно пробужден

звуками рога у подъемного моста. В ответ им понеслись такие же звуки с высокой замковой башни. Что такое? Гонец на взмыленной лошади. Скорей, скорей! Зазвенели цепи, опустился мост... Гонец от сюзерена с письмом. Что это? Призывное письмо (le bref) на войну с неверными. Боже, сколько суматохи было! Пришлось поработать. Через неделю все было готово. Барон призвал к себе своего капеллана для составления духовного завещания. Путь далекий: неизвестно, что может случиться; следует быть готовым на все. Кто не знает, что возвращаются оттуда немногие? Кому горе и слезы, а наш оруженосец, как молодой орел, рад, что может, наконец, свободно взмахнуть крыльями и улететь туда, в чужие страны, за синее море, в Святую землю. Прозвучал прощальный поцелуй, пролились последние прощальные слезы, поехали крестоносцы. Много нового, невиданного прежде пришлось повидать. По дороге вынесли страшную бурю, чуть не погибли в море. А после... голые скалы, раскаленный песок, невыносимый зной, мучительная жажда... Пути неведомы, враг словно из земли вырастает. А вот начались и настоящие битвы. В память рассказчика особенно врезался один день, день его славы, осуществления его мечты. Три дня перед ним рыцари и оруженосцы держали пост и ходили молиться в лагерную церковку. Утро памятного дня было прохладное, солнце светило сквозь облака. Необозримыми рядами расположилось Христово воинство; каждый с верою ожидал общего причащения. Вот показались священники с епископом во

главе. Они проходили и приобщали склонявшихся на колени воинов. Сколько обетов произносилось в эти минуты, сколько горячих молитв! Взаимные объятия, поцелуи мира, казалось, навсегда должны были прекратить вражду среди крестоносцев. После проповеди, произнесенной одним из священников, загремели трубы и рога, раздался призыв к битве. Все смешалось в хаотическую массу. Пыль поднялась столбом. Крики, стоны, ругательства, звон оружия, ржание коней наполняли воздух. Оруженосцам приходилось всюду следовать за своими рыцарями, подавать им оружие, уводить и уносить тяжело раненных и в то же время отбиваться от нападений врага, сражаться. На долю рассказчика выпало редкое счастье отбить из рук неприятеля захваченное им христианское знамя. Редкое счастье, редкий подвиг! С закатом солнца битва прекратилась; христиане одержали решительную победу, враги бежали. Тут же на самом поле битвы среди груды убитых и тяжело раненных сам король посвятил отличившегося оруженосца в рыцари: посвящаемый склонил перед ним колени, а *король* вручил ему меч и согласно обычаю слегка прикоснулся своей рукой к его щеке и своим мечом к его плечу. Во время рассказа старого рыцаря из леса поднялась полная луна; тени всадников и их коней, перерезав дорогу, пали на траву. До церкви оставалось еще полпути, и дядя готовящегося к посвящению молодого человека успел рассказать интересный случай, свидетелем которого ему довелось быть много лет тому назад. Он видел не посвящение

в рыцари, а торжественное лишение рыцарского сана. И вот как это происходило. Рыцаря уличили в каком-то обмане. Преступный рыцарь был разоружен и в длинной рубахе возведен на подмости, вокруг которых собралась необозримая толпа зрителей. Преступный рыцарь должен был смотреть на то, как разламывалось на куски его оружие, а обломки бросались к его ногам. Рыцарские шпоры были сорваны, герб, изображенный на его щите, стерли, а щит привязали к хвосту рабочей лошади. Три раза громко спрашивал герольд, указывая на виновного: «Кто это такой?» Три раза ему отвечали, что это рыцарь, и три раза он громко возражал: «Нет, это не он! Это не рыцарь, это – негодяй, изменивший своему слову, клятве верности». Священник громко читал 108 псалом, в котором особенно страшно звучали для окружающих проклятия, направленные против нечестивца: «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Да будут его дети сиротами, и жена его вдовою... Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его... Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренности его и, как елей, в кости его». Потом разжалованного рыцаря положили на носилки и, как мертвеца, как умершего для рыцарства, понесли в церковь. Толпа повалила вслед за ним. В церкви провинившийся должен был выслушать заупокойные молитвы. Усопшим считался он сам, так как он умер для чести. Слушая рассказ, наши всадники невольно ужаснулись; холодный пот выступал на лбу у каж-

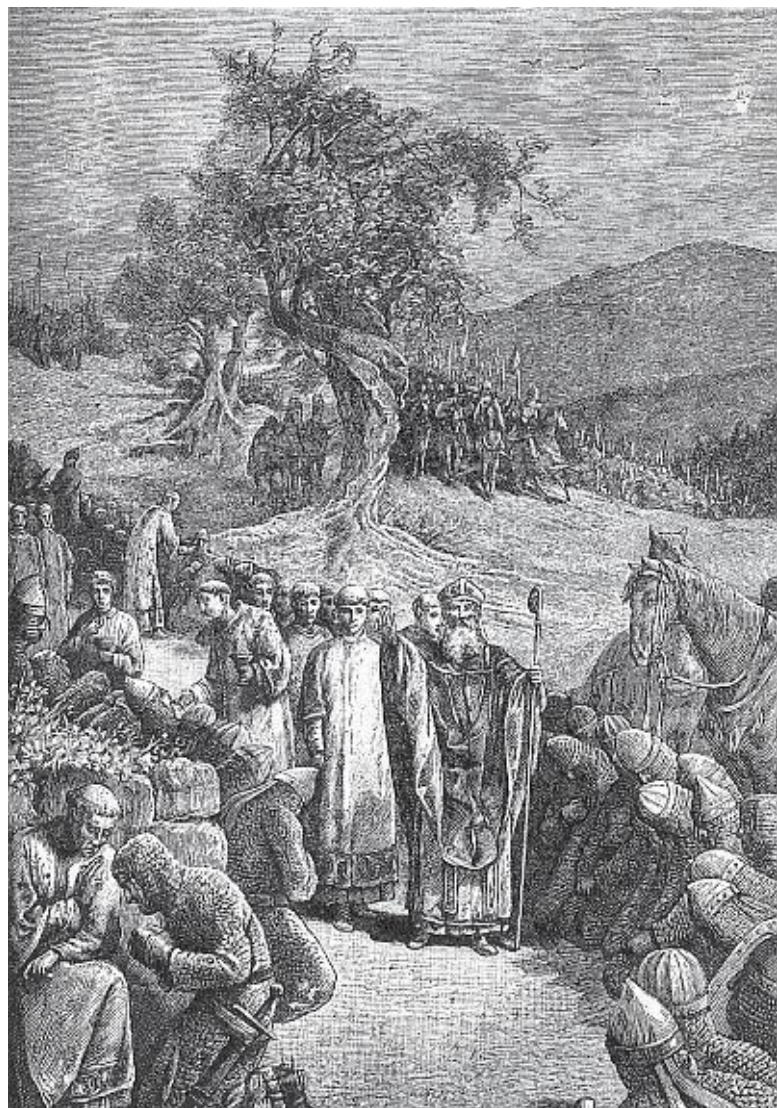
дого из них. Картина позора и отпевания заживо ярко предстала пред ними. И не в первый раз отец вновь посвящаемого указал сыну на необходимость строго подчиняться всем законам рыцарства: веровать всему, чему учит Святая церковь, и соблюдать ее повеления; защищать ее; защищать всякого слабого, не бежать от врага, но смерть предпочитать бегству; быть верным своему сеньору; гнушаться лжи; быть щедрым; повсюду и всегда бороться за правду и добро против неправды и зла.

Служение пажа.

Изображение пажа (со средневековой миниатюры).

Общее причащение.

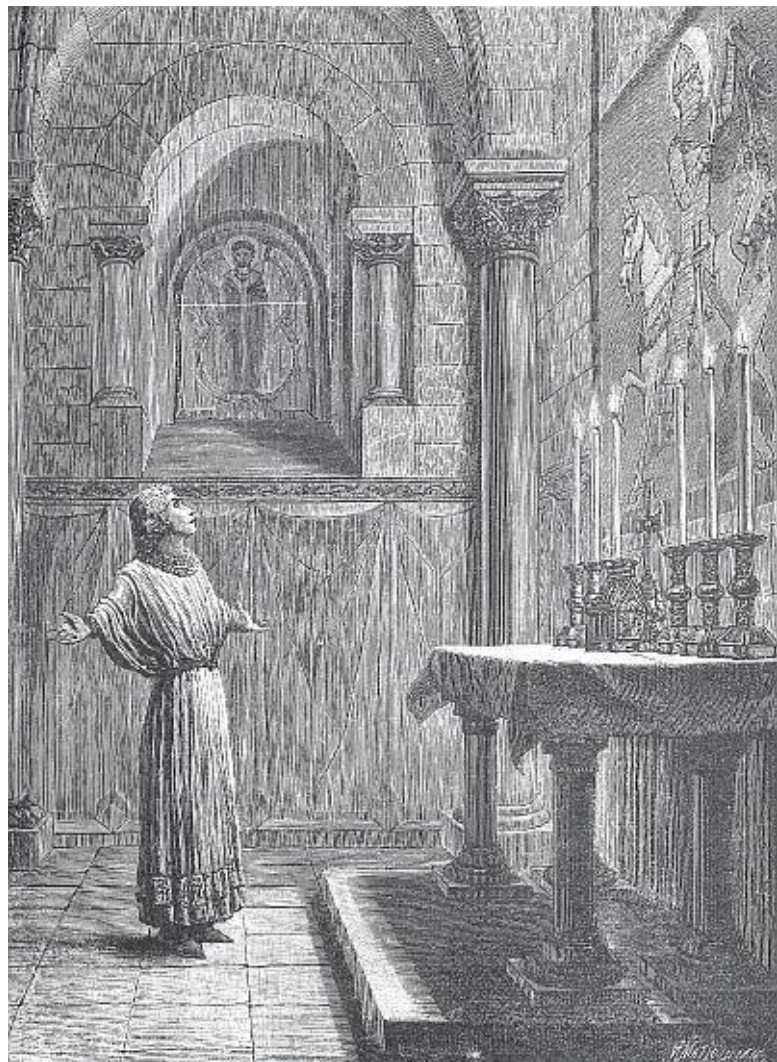

Посвящение в рыцари на поле битвы (со средневековой миниатюры).

И в это самое время из-за деревьев взглянул на них храм Божий, ярко освещенный луной.

Застучал засов у церковных дверей, послышался топот отъезжающих домой провожатых, и наконец все смолкло. Таинственна внутренность храма, мрак наполняет ее. Только через одно из окон проник в эту темноту серебряный луч месяца. Да на одном из алтарей зажжены свечи перед изображением св. Георгия Победоносца. Здесь, перед этим алтарем, проведет всю ночь сын нашего барона в молитве, в размышлении о том высоком сане, который ожидает его, о тех обязанностях, которые наложит на него этот высокий сан. Об этих обязанностях нередко приходилось слышать ему, особенно в последнее время. Кругом царит тишина. Гулко отдаются в пустом храме шаги молодого человека; он слышит биение своего сердца, свое дыхание; он чувствует, как приливает кровь к его вискам. То он шепчет молитвы, и собственный шепот сначала смущает его; то он представляет себе свой замок, свою семью. Как ярко восстают образы перед ним! Он видит лица родных, слышит их речи... О чем они? Об обязанностях того сана, который ожидает его. Церковь, говорили ему, – то же, что голова в человеческом теле, горожане и крестьяне – желудок и ноги, а рыцарство уподобляется рукам. Руки расположены как раз посреди человеческого тела, между головой и низшими членами, чтобы защищать и то, и другое. Итак, веруй всему, чему учит Святая

церковь, исполняй ее повеления: защищай ее, но вместе с тем уважай все слабое, будь защитником его, защитником вдов, сирот, всякого немощного. Защищай женщину; слабая, безоружная, она часто притесняется незаконным, грубым соседом; часто на ее счет пускается гнусными людьми самая низкая клевета. Крепко держись данного тобой слова, не лги. Чего бы ты ни пережил, отлучившись в дальние страны, вернувшись домой, расскажи о всем чистосердечно, ничего не утаивай. О славном подвиге поведай: он воодушевит других, послужит добрым примером; о неудаче не умалчивай: рассказ о ней может послужить хорошим уроком для других, а вместе с тем утешит того, кто и сам потерпел когда-либо неудачу. Будь щедр, будь благороден в обхождении: щедрость и благородство – два крыла, поддерживающие рыцарскую удаль... Но вот снова приходит на память молитва, образы бледнеют и расплываются в сумраке храма, речи их удаляются и, наконец, замолкают; юноша простирает руки к святому изображению, озаренному свечами, и весь отдается горячей молитве. Его рыцарский меч, которым завтра торжественно опояшут его, лежит на алтаре.

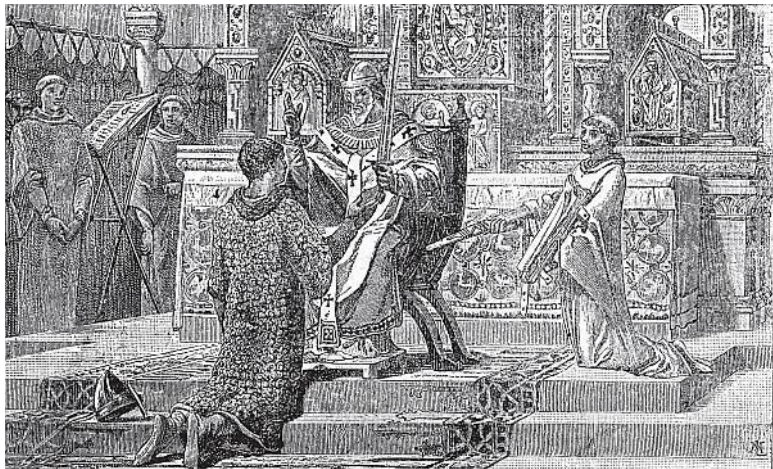

Ночь в церкви.

Этот благочестивый и поэтический обычай проводить целую ночь, предшествовавшую посвящению в рыцарство, под сводами храма развился и господствовал во Франции. Он назывался *la veille* (или *la veille'e*) *des armes* и с древнейших времен имел место при судебных поединках, при единоборстве обидчика с обиженным. Так, в одной латинской хронике, оканчивающейся на 1029 году, рассказывается о подобном поединке. При этом сообщается, что одержавший в нем победу немедленно отправился пешком поблагодарить Бога у гробницы одного святого, именно в тот самый храм, в котором он провел всю ночь, предшествовавшую поединку. Потом обычай этот приурочился к обряду посвящения в рыцари. Французский обычай проник с течением времени и в другие страны, но первоначальный обряд посвящения в рыцарский сан за пределами Франции отличался совершенной простотой. Так, например, в Германии важнейшим моментом этого обряда было опоясывание нового рыцаря мечом, который торжественно благословлялся священником. Опоясывал рыцаря или местный сеньор, или даже вновь посвящаемый опоясывался собственноручно. Тот же сеньор подавал ему щит и копье, и все это несложное торжество заканчивалось турниром. В Англии еще в XII веке была та же простота. Годфрид Плантагенет, возведенный в рыцарский сан Генрихом I, принял ванну, надел великолепную одежду, принял в

подарок рыцарское вооружение и сейчас же пошел показывать свою силу уже в качестве нового рыцаря. Впрочем, и во Франции сложный и поэтический обряд рыцарского посвящения появился не сразу, а выработался постепенно в течение столетий.

Но обратимся к нашему юноше. Он бодро вынес испытание. Сон ни разу не смежил его глаз. Он устоял против соблазна присесть на ступенях алтаря. Он все еще стоит перед алтарем в своем длинном белоснежном одеянии. В глубоких оконных амбразурах забрезжил дневной свет; засветились разноцветные стекла оконных рам. Все больше и больше света проникает в храм, мрак уступает место свету, тени убегают в углы. Вот она – благодатная заря вождя дня! За стенами храма, среди зелени, омытой росой, запели птицы; солнце взошло... Загремел дверной засов. В церковь вошли люди.

Посвящение в рыцари.

Церковь наполнилась родными и знакомыми вновь посвящаемого. Приехал сам епископ – особенная честь для нашего барона. Сам епископ благословит сегодня меч нового рыцаря. Как богаты, как пестры наряды собравшихся! Каким весельем озарены их лица! Вот понеслись звуки органа; началась месса. Благоговейно выслушал ее вновь посвящаемый, благоговейно приобщился. Наконец наступили торжественные минуты благословения меча. Вновь посвящаемый приблизился к епископу; перевязь с мечом надета у него на шее. Епископ снял меч и громко прочитал следующую молитву: «Пресвятый Господи, Отец всемогущий, Боже вечный, Единый, всем повелевающий и всем располагающий!

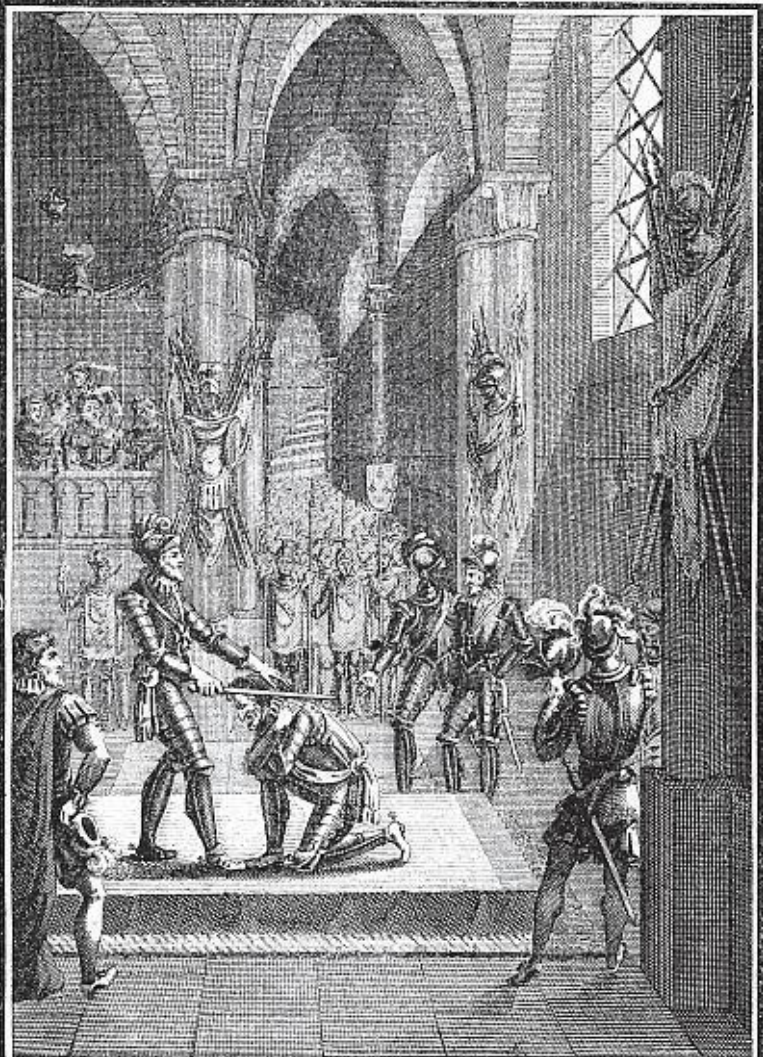
Чтобы подавлять злобу нечестивых и защищать справедливость, спасительным благоволением Своим Ты дозволил людям пользоваться мечом на земле. Устами святого Иоанна Ты сказал воинам, приходившим искать его в пустыне, чтобы они никого не обижали, не клеветали ни на кого, но довольствовались жалованием своим. Господи! Мы смиренно прибегаем с молитвой к милосердию Твоему. Ты дал рабу Своему Давиду силу победить Голиафа, Иуде Маккавею – восторжествовать над народами, не признававшими Тебя; так же и рабу Своему, сегодня преклоняющему главу свою под ярмо военной службы, сообщи силу и отвагу на защиту веры и справедливости, приумножь в нем веру, надежду и любовь. Дай ему все вкупе – и страх Твой, и любовь Твою, смирение и твердость, послушание и терпение. Устрой все так, дабы ни сим мечом, ни иным он не ранил никого несправедливо, но употреблял его на защиту всего истинного и правого». После этого епископ снова надел на шею молодого рыцаря уже освященный меч со словами: «Прими меч сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, употребляй его на свою защиту и на защиту святой Церкви Божией, на поражение врагов Креста Господня и веры христианской и, насколько возможно это для немощности человеческой, не поражай им несправедливо». Молодой рыцарь, на коленях слушавший как молитву, так и слова епископа, поднялся на ноги, взял свой меч, широко размахнулся им, как бы поражая невидимых врагов Христовой веры, затем отер его о левую руку и

снова вложил в ножны. После этого епископ поцеловал нового воина со словами: «Мир тебе». А молодой человек с мечом на шее направился к сеньору своего отца. Это – его воспитанник. Молодой человек вручил ему меч. Воспитанник спросил его: «С каким намерением желаешь ты вступить в рыцарское общество?» Вновь посвящаемый отвечал ему согласно со словами, которые были произнесены незадолго до того времени епископом. Тут же он принес клятву верности ему как своему сюзерену. Тогда, по приказанию последнего, началось облачение его в рыцарские доспехи. Этим делом занялись рыцари, им помогали дамы и молодые девушки. Сперва прикрепили ему левую шпору, затем правую, надели кольчугу, а после всего опоясали его мечом. Когда новый рыцарь был облачен в доспехи (*adoubé*), он скромно опустился на колени перед своим воспитанником. Тогда последний поднялся со своего места и своим обнаженным мечом, держа его плашмя, три раза коснулся плеча вновь посвященного, произнося при этом: «Во имя Божие, во имя святого Михаила и святого Георгия я делаю тебя рыцарем, будь храбр и честен». После этого молодому рыцарю поднесли шлем, щит и копье. Сопровождаемый всеми присутствующими в храме, он вышел из него. Собравшийся перед церковью народ приветствовал нового рыцаря громкими восклицаниями. Теперь настало время показать свою ловкость и силу. С этой целью недалеко от церкви уже заранее установлен на вращающемся столбе довольно грубый манекен рыцаря (*la*

quintaine), покрытый вооружением. Наш рыцарь, при всеобщем одобрении, не коснувшись ногою стремени, вскочил на своего рыцарского коня и, погарцевав на площади, помчался в сторону манекена. Метким и сильным ударом он сбил и рассыпал мишень. Гром рукоплесканий заглушил шум от разлетевшегося в стороны и даже поломавшегося оружия, которое было искусно прикреплено к манекену. Пора нашему рыцарю отдохнуть. В сопровождении родных и гостей он поехал в замок своего отца.

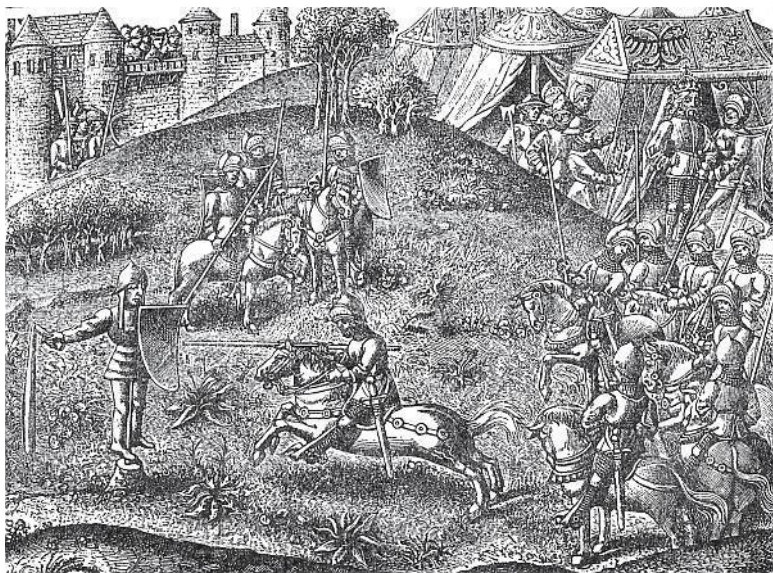

Посвящение в рыцари св. Мартина.

„Glorieuse épée, qui aujourd'hui as eu l'honneur de faire Chevalier le plus grand Roi
de France, par ta vertu, et par ta valeur, qui t'as fait si grand honneur, et si grande gloire,

Баярд посвящает в рыцарское звание короля Франциска I.

Военное упражнение с манекеном.

Рыцарство привнесло в средневековую жизнь иные принципы, прямо противоположные тем, которыми руководствовались представители господствующего класса до его появления. И до его появления были отдельные лица, руководившие ими: около тысячелетия прошло уже с тех пор, как эти великие принципы были торжественно провозглашены в земле обетованной. Но лица эти составляли едва заметное меньшинство. Церковь воспользовалась благодетельным об-

щественным переворотом и взяла молодое учреждение под свое непосредственное покровительство. Совершилось приспособление учения Христа к местным и временным условиям, среди которых жили люди.

Внутренность замка

Опередим молодого рыцаря, его семью, его гостей и проникнем раньше их в главнейшие части замка. С его внешним видом, с его планом мы уже ознакомились, теперь поднимемся по каменной лестнице палаты и постараемся, пока не набралось в ней народа, хорошенько рассмотреть главную, большую залу (*la grand' salle, der Saal*). Против ожидания, вы не сразу проникаете в нее с верхней площадки каменной лестницы. Пройдя главные двери, мы вошли с вами в обширный коридор, который протянулся вдоль всего главного фасада здания. Это – светлая галерея (*Liew* или *Loube, loge, loggia*), свет обильно проникает в нее через большие окна. В стене, противоположной окнам, находятся двери: одна из них ведет в главную залу. Войдем в нее. Как мрачна зала! Вот первое наше впечатление. Да как же и не быть ей мрачной? При обширных своих размерах, при толщине стены (от 8 до 10 футов), при небольшом количестве узких окон, представляющих собою глубокие ниши, при цветных стеклах, задерживающих дневной свет, совершенно понятна эта мрачность. Главная цель обитателей замка – устроиться возможно безопаснее: вот почему его внутренние помещения представляли так мало удобства, комфорта. Однако нельзя сказать, чтобы и в те времена, по преимуществу военные, люди совершенно не заботились об удобствах или о красоте. Рас-

смаатривая внутренность замка, мы увидим следы этих забот. Только эти заботы стояли, так сказать, на последнем плане.

Пол нашей залы каменный, но не одноцветный: он составлен из разноцветных плит, правильно чередующихся между собою и несколько ослабляющих то впечатление мрачности, которое мы испытали при входе в залу. Сегодня, сверх того, на нем разбросаны древесные ветви и цветы, между последними – розы и лилии ввиду предстоящего пира. Но не будем забегать вперед. Вся зала разделена на три отделения колоннами с причудливыми капителями. Потолок плоский; поперек его идут ряды балок, частью расписанных разноцветными красками. Каменные стены залы выбелены и местами расписаны водяными красками, местами увешаны рогами, щитами, копьями. Фрески грубы, перспективы нет и следа, краски однообразны. Сегодня по причине торжества по стенам развешаны ковры; на последних изображены рожи с животными, герои древней истории, герои и героини рыцарской поэзии. Посредине комнаты – громадный дубовый стол, покрытый скатертью. На нем ложки, ножи и сосуды из золота и серебра. Вокруг него, как и вообще по стенам залы, скамьи с подушками. На одном конце его – большое кресло с ручками под шелковым балдахином. Обыкновенно здесь сидит владелец замка, а сегодня оно предназначается для сеньора нашего владельца. Но особенно нашего внимания заслуживает камин. Это целое сооружение. Помещается он между двумя окнами. Основанием его внешней

части служат прямые колонны почти в человеческий рост; над ними выдается довольно далеко вперед каменный колпак, постепенно суживающийся по мере приближения к потолку. Колпак расписан изображениями на сюжеты рыцарской поэзии. О размерах каминов в средневековых замках можно составить себе некоторое представление из следующего рассказа, который мы находим у французского хрониста *Фруассара*. Из всех дворов богатых владетелей в XIV в. особенно славился двор графа Фуа. Его обширные замковые помещения были всегда переполнены рыцарями. Дело происходило во время святок. День был холодный; рыцари грелись, сидя перед камином. В залу вошел сам граф. «Как холодно, — сказал он, — а в камине так мало огня!» Один из рыцарей, Эрнотон, стоял у окна залы, посматривая во двор, и как раз увидел входящих во двор замка ослов, нагруженных дровами. Недолго думая, отличавшийся необыкновенною силою рыцарь спустился во двор, схватил самого большого из ослов, нагруженных дровами, взвалил эту ношу себе на плечи, поднялся с нею в залу, растолкал рыцарей и, пробравшись к камину, бросил в огонь осла с дровами, чем возбудил смех и удивление всего общества. Мы еще будем иметь случай посидеть вместе с семьей нашего барона у этого же самого, но уже пылающего камина в суровый осенний вечер, когда буря будет завывать и носиться вокруг замка, а теперь воспользуемся временем и заглянем в другие комнаты, благо нам никто не мешает: все в кладовых, в кухне, на

дворе, за воротами – в ожидании блестящего поезда.

Амбразура окна.

По сторонам главной залы находятся еще подобные ей, но гораздо меньших размеров. Там нечего смотреть. Поднимемся по этой каменной круглой лестнице на верхний этаж: там расположены жилые помещения. Из них заслуживает наибольшего внимания только спальня. И она освещается

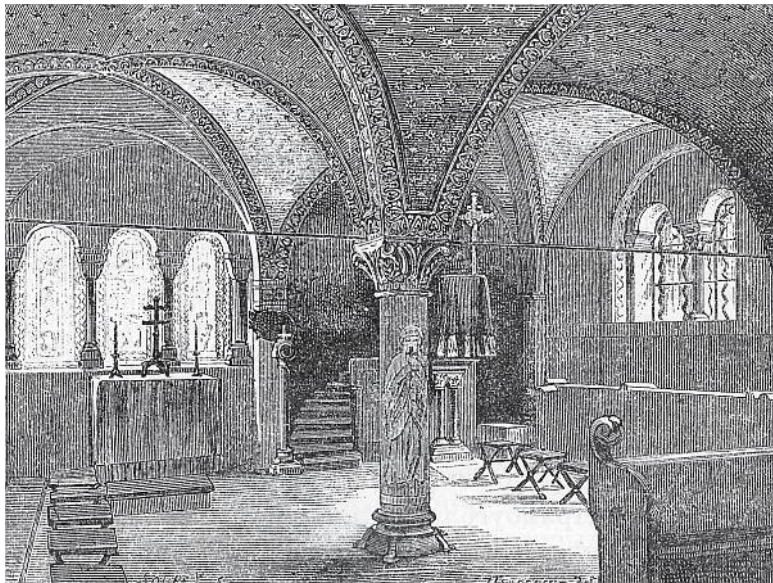
дневным светом очень скудно; он проникает с трудом сквозь цветное стекло, да и глубокая ниша служит большой помехой. Здесь два таких окна, а между ними камин, такой же формы, как в большой зале, но меньших размеров. Стены здесь также раскрашены, покрыты картинами, а сегодня, как и внизу, коврами. При входе в эту комнату бросается в глаза низкая, но широкая постель. Она поставлена изголовьем к стене. Высоко поднимаются шитые шелками подушки. Занавесы, передвигающиеся на железных прутьях, совершенно отдернуты. Резко выделяется богатое горностаевое одеяло. С обеих сторон у самой постели брошены на каменном узорчатом полу звериные шкуры. Тут же – большой канделябр с толстой восковой свечой и горизонтальный стержень (la perche, der Ric), укрепленный на двух других, вертикальных, и предназначенный для того, чтобы вешать снимаемое на ночь платье и белье. Вблизи постели на подставке, прикрепленной к стене, стоит довольно грубо сделанное изображение святого, патрона замковладельца. Вдоль стен расставлены скамьи с подушками, кресла, кое-где прямо на полу разбросаны подушки, предназначенные для сиденья. На полу у стены стоят несколько запертых ящиков, в которых хранится белье и одежда. Некоторые из них богато разукрашены. На столе, недалеко от камина, стоят два интересных предмета; это небольшие ящички, один круглый – из бронзы, другой четырехугольный – из слоновой кости. Круглый открыт, и в нем помещается зеркало в резной деревянной

раме. Но особенно интересен второй, закрытый ящик. Его резьба изображает лес, на деревьях поют птицы, а под деревьями конные охотники преследуют какого-то зверя. Там, вероятно, хранятся драгоценные украшения: серьги, перстни с драгоценными камнями, браслеты и колье. До нашего времени сохранились подобные ящички, и они вместе с рыцарскими поэмами, с миниатюрами в средневековых рукописях, с мемуарами и с развалинами замков служат источником для восстановления перед умственным взором образованного человека того рыцарского общества, которое уже давным-давно отошло в вечность.

После того, как вы ознакомились с главной залой и спальней, другие комнаты – *кеменаты* (*kemena'ten*), как назывались они в Германии (по латыни *kaminatae*, т. е. отапливаемые печами, каминами), не могут представить нашему вниманию ничего нового.

В заключение нашего обзора посетим замковую капеллу и проникнем тайком в замковую темницу. Капелле, как вы, вероятно, помните, отведено в замке нашего барона особое здание на первом дворе. В других замках она помещается в жилом здании рядом с главной залой. Но, где бы она ни помещалась, без нее обитателям замка обойтись невозможно. При своем посвящении в рыцарское звание каждый посвящаемый давал обет ежедневно присутствовать на божественной службе. Вот и первая необходимость иметь капеллу здесь же, под рукой. Но капелла немыслима без священника,

без капеллана, вот почему последний – лицо необходимое в среде обитателей средневекового замка. Ведь не ехать же всякий раз за священником в ближайшую церковь, тем более что и ближайшая церковь отстоит от замка довольно далеко. С другой стороны, представьте осаду замка неприятелем – явление самое обыкновенное в те суровые времена, ведь тогда без капеллы хозяева замка и все его многолюдное население были бы совершенно отрезаны от церкви, лишены утешения, доставляемого молитвой, словом Божиим, лишены возможности приобщиться святых тайн. Кроме того, капеллан нередко играет роль домашнего секретаря: он читает и пишет по поручению хозяев письма. Наконец, он наставляет в правилах веры молодое поколение. Вот почему без капеллы и капеллана немислим был ни один порядочный замок.

Капелла в замке.

Но будем продолжать осмотр. Наша капелла очень неза-
тейлива. Прямоугольная комната, освещаемая несколькими
полукруглыми окнами с цветными стеклами, с изображени-
ями святых, заканчивается полукруглой нишей; в нише – ал-
тарь с самыми необходимыми предметами: распятием, Еван-
гелием, дарохранительницей, свечами...

От этого места, где ежедневно произносятся возвышен-
ные слова любви и мира, перенесемся воображением в дру-
гое место, где раздаются иногда проклятия и страшные сто-

ны. Мы – в темнице, под главной замковой башней. Темный, круглый подвал со сводом. Наверху свода – отверстие, через которое спускают сюда преступника. Через скудные отдушины скудно входит в это ужасное место свежий воздух. Удушливый воздух, грязь, всякие гады, а иногда и подпочвенная вода, внезапно прорвавшая себе дорогу, грозят здоровью и жизни несчастного узника, которому суждено спуститься под этот мрачный свод. Прочь, прочь отсюда, на свежий, вольный воздух, где солнце светит, где плывут облака, где птицы поют свои беззаботные песни!

С вершины башни понеслись звуки рога, послышалась откуда-то музыка, пение, приветственные крики. Молодой рыцарь подъезжает к своему дому, с ним – родные и гости.

Пир

Прежде чем изобразить вам картину пира в большом средневековом замке, я должен сказать, что последний представлял собой дворец в миниатюре. Как барона, так и баронессу окружал целый штат прислуги. Этот штат увеличивался и развивался, конечно, постепенно. Мы уже оставляем в стороне пажей и оруженосцев, которые были благородного происхождения. Кроме них был целый ряд должностных лиц, которым поручалась та или другая часть замкового хозяйства. Одно перечисление их заняло бы довольно много места. Мы обратим внимание только на главнейших из них. Первое место в придворном штате средневекового барона занимал *сенешаль* (le seigneurchal), главной заботой которого был стол барона; он заведовал провиантом и имел общий надзор за кухней, «руководил кухонным департаментом». *Маршал* (le marechal, de Marschalk) заведовал конюшнями, палатками, всякой перевозкой. В ведении *шамбеллана* или *камергера* (le chambrier, der Kammerer) находились комнаты и домашняя утварь. Погребами и кладовыми с винами, пивом и медами заведовал *стольник* (dapifer, le bouteiller, der Truchsess). Особое должностное лицо закупало провизию. Ниже их стояли сержанты, гарсоны (и в Германии употреблялось испорченное французское название Garzune), псары и др. Даме прислуживали *каммерфрау*

(pucelles, Kammerfrauen), бывшие благородного происхождения и несшие свою службу добровольно, как пажи и оруженосцы. Главным же образом уход за госпожой составлял обязанность горничных (chambriere's, Dienerinnen). Теперь, после некоторого знакомства с многочисленным замковым штатом, и картина пира будет отчетливее.

Загремели рога, призывают к парадному обеду. Каким шумом наполнилась пустынная до того времени главная зала замка! Как оживилось сразу ее подавляющее однообразие! Мы как будто совершенно в другом помещении, как будто и не были здесь раньше. Вот они входят, разодетые гости и гостьи. Одежды кавалеров и дам различаются между собою немного: сходство поразительное! Только дамский костюм ниспадает до самого пола, располагаясь красивыми складками, а мужской — значительно короче; только дамские рукава необычайно широки, и нижние концы их очень длинны, а мужские плотно охватывают руку и доходят до кисти. Разноцветный шелк, мех, галуны и драгоценные камни — у тех и других. Особенно богаты пояса. У дам концы поясов ниспадают почти донизу и обильно украшены топазами, агатами и другими камнями. Волосы дам тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы (кое у кого с примесью фальшивых волос), перевитые цветными лентами и золотыми нитями. (В то время не только носили шиньоны, но умели красить волосы; были известны и румяна.) Волосы у мужчин ниспадают до плеч, у некоторых из них бороды достигают до-

вольно больших размеров. Но короткая борода вообще преобладает; встречаются даже и совсем бритые подбородки. У многих из присутствующих, особенно у дам, головы украшены золотыми обручами, на которых сияют драгоценные камни. Блеск золота, серебра и драгоценных камней, приятное сочетание цветных материй, среди которых преобладают синий и красный цвета различных оттенков, необычайно оживляют картину, развертывающуюся перед нашими глазами. Все блестящее общество направляется к громадному столу, покрытому узорной белой скатертью. Бросая беглый взгляд на сервировку стола, мы с некоторым изумлением замечаем отсутствие предмета, по нашим понятиям, безусловно необходимого, а именно – вилок. Последние стали входить в употребление только с самого конца XIII века. Каждый прибор состоит из ножа, ложки и серебряного, кое-где и золотого, кубка. Есть кубки на две персоны. Но особенно выделяется сосуд для питья, поставленный перед местом самого знатного гостя. Этот сосуд имеет форму корабля. Сам корабль, наполняемый вином, помещается на ножке. Над палубой его возвышаются мачты, надуваются паруса, выются флаги и вымпелы. Корабль сделан из серебра, местами позолоченного. Снасти устроены так, что перед питьем снимаются. Для каждого присутствующего у его прибора заблаговременно положены на столе белые хлеба. Кроме того, на столе расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши с крышками и без крышек, солонки, соусники. На со-

лонках встречаются надписи. Особенно хороша одна:

Cum sis in mensa,
primo de paupere pensa:
cum pascis eum,
pascis, amice, Deum.

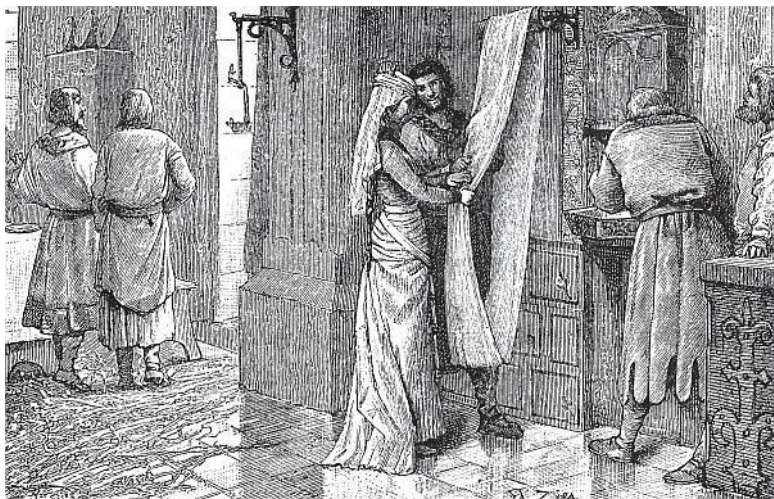
(когда ты за столом, прежде всего подумай о бедняке: кормя его, ты кормишь, друг, Бога). Наше общество шумно расселось по степеням знатности на скамьях, окружающих стол. Местничество далеко не представляет собою исключительно *русского* явления. На главном месте, под балдахином, расположился сюзерен нашего барона, удостоивший последнего своим визитом в сегодняшней, великий для барона день. Только расселись за столом гости нашего барона – в залу вошли прислужники; в их руках – кувшины с водой, на шеи накинута полотенца. Умывание рук перед обедом при отсутствии вилок имеет, конечно, особенное значение. Что касается самих кушаний, необходимо заметить, что в то время ни супа, ни бульона не существовало, начинали прямо с мяса. Так, например, сегодня на первое блюдо разносится жареный олень; он разрезан на куски и сильно приправлен горячим перцовым соусом. Второе блюдо так же сытно, как и первое, это – жареный кабан под тем же соусом. За ним внесены жареные павлины и лебеди. В то время как одни прислужники и оруженосцы разносят кушанья, другие обходят стол с кувшинами и наливают в кубки вино. Потом от-

ведываются зайцы и кролики, всевозможные птицы, пироги с мясной начинкой и рыба. Вот принесены яблоки, гранаты, финики. Но, что должно возбудить наше удивление, в самом конце обеда уже насытившиеся рыцари снова обращаются к тем же пряностям, которыми в изобилии были приправлены все мясные блюда. Перец, мускатный орех, гвоздика, имбирь – все это употребляется ими с особенным удовольствием. Говорят, что это делалось ими для возбуждения и поддержания жажды, а последняя побуждала их к большому потреблению вина. Но все эти приправы, может быть, были просто необходимы при тех тяжелых блюдах, из которых состояли званные обеды, подобные сегодняшнему. Вина также приправлены разными пряностями и представляют собою подобие каких-то микстур. Любопытны некоторые наставления для гостей, написанные одним из средневековых писателей, например: гости должны быть скромны и довольны тем, что им предложено; они не должны есть двумя руками; не следует ни пить, ни говорить с набитым ртом; не обращай к соседу с просьбой об одолжении кубка, если видишь, что сам он еще не допил его, и т. п. По нашим понятиям, наставлениям этим место в юмористическом листке, но время автора было иное, и он писал их совершенно серьезно.

Пир.

Но и в то далекое от нас и сравнительно грубое время, обедааясь и предаваясь излишнему употреблению вина, люди чувствовали какую-то инстинктивную потребность в чем-то высшем и лучшем. Спасительницей заглубившего общества была великая зиждительная сила поэзии. Она пробуждала в их заглубелых, но все же человеческих сердцах, бившихся под железными панцирями, лучшие, благородные, истинно человеческие чувства.

Необходимую принадлежность пира, подобного сегодняшнему, составляли музыка и пение. Взгляните на небольшую группу людей, расположившуюся в том углу зала. Это — *жонглеры*, странствующие музыканты и певцы. Их десять человек. Здесь и арфа, любимейший музыкальный инстру-

мент в средние века, и гусли (psalterion – треугольный ящик с отверстием посреди, с натянутыми струнами), и лютня, и подобие скрипки (die Fiedel, la vielle), и другие струнные инструменты. Одетые в длинное, ниспадающее почти до самой обуви платье, жонглеры усердно исполняют одну пьесу за другою. Музыка чередуется с пением или сливается с ним. Из среды жонглеров выделяется особенно один своим более серьезным видом. Это – певец исторических песен (jongleur de geste). Он поет о подвигах святых, о подвигах рыцарей. Его очередь еще не пришла. Он будет петь потом, после обеда. Теперь же на смену музыке появились акробаты; это остаток от римских обычаев, унаследованный новыми народностями Западной Европы. Один из них встал на шар; стоя на нем и подталкивая его ногами, он начал кружиться по зале. Другой заходил на руках. Двое из них подняли обруч, а третий стал с разбега прыгать в него. Некоторые из них замечательно искусно подражают пению соловья, крику павлина, серны. Нашелся и фокусник, который поглощал огонь и снова извергал его изо рта. Среди подобных забав обед приблизился к концу. В самом конце его каждый из присутствующих пропел какую-нибудь песню. Затем снова вошли прислужники с водой, и по окончании безусловного необходимого рукомытия все общество повставало из-за стола. Все разбрелись кто куда. Группа гостей собралась в соседней комнате вокруг хозяйки, которая раздает им на память недорогие подарки – кушаки, застёжки и тому подобные предметы. Полю-

бывались на дворе на борьбу двух медведей и вдоволь насмеялись над их неповоротливыми и смешными движениями. Впрочем, потеха кончилась тем, что противники угрожали не на шутку перекусаться, почему и пришлось их развести. Молодежь устроила игры на открытом воздухе. Потом принялись за любимое занятие, за танцы. Тогдашние танцы походили на хороводы и сопровождались пением участвующих лиц. В то же время образовались группы для игры в шашки, в кости, в шахматы. Игра в шахматы считалась благороднейшей в ряду других игр, ей подобных. Обратите внимание на размеры шахматной доски и материал, из которого она сделана. Она сделана из слоновой кости, и рыцарь в случае нужды мог смело пользоваться ею как щитом. Бывают доски из серебра и даже из золота. Фигуры сделаны из слоновой кости и черного дерева; они отличаются большими размерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.